

Екатерина Боброва

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Екатерина Боброва

Ледяная княжна

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2017
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б72

Серия основана в 2011 году
Выпуск 264

Художник
С. Бабкина

Боброва Е. А.

Б72 **Ледяная княжна: Роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 442 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2386-6

Одна княжна, двое северян и наемник-южанин. У каждого своя жизнь, свои цели и своя правда, но приграничье свело их вместе, определив путь через истерзанную войной страну, добавив для скорости некромантов с мертвецами и пустив для уверенности по пятам Тайную канцелярию. Да, еще и повстречавшаяся мечта детства, оказалось, имеет свой непростой, ледяной характер и совсем не нуждается в романтических чувствах юной княжны. И что остается? Мечтать о пирожном с заварным кремом, давясь сухпайком северян, или о кружевном платье, проваливаясь по колено в болото? А еще надеяться, что северная родня деда, до которой нужно обязательно добраться, примет свою южную родственницу и не прогонит прочь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Боброва Е. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2386-6

Глава 1

НАЧАЛО ПУТИ

Мое имя Айрин Лэриш Таль-Сорецки. Мать зовет меня Лэриш, отец с братом Риш, дед, когда был жив, всегда звал Айрин. На севере это слово переводится как «ледяная роза» — редкий цветок, расцветающий у подножий ледников, и брат, когда мы с ним ругаемся, частенько обзывает меня колючкой. Я бы много отдала, чтобы вновь услышать его голос.

Таль-Сорецки — княжеский род. Мой дед происходил из северных князей. Он приехал в нашу страну послом, да так и остался, сраженный красотой моей бабушки. Северная родня побушевала, погрозила отлучением от семьи, но затем смирилась. Деду даже титул оставили, лишив права наследования состояния семьи. Мой отец не слишком огорчился, женившись на красавице-графине, причем по большой и чистой любви.

От их брака родились мы: я и мой брат Толир. Брат целиком пошел в мать: широкоплечий, черноволосый — типичный шарналец, а вот я уродилась в отца и деда.

«Ледяная», — шептались за спиной соседи. «Ледяная?» — допытывались друзья. Я и сама не знала, кто я. Светлые до снежной белизны волосы, тонкие черты лица, бледная, фарфоровая кожа, даже летом не темнеющая от загара, огромные голубые глаза.

«Моя ледяная роза», — улыбался дед, глядя меня по волосам.

«Как бы не было беды от такой красоты», — сокрушалась бабушка. Она покинула нас полтора года назад. Дед, разом постаревший лет на десять, тихо угас вслед за ней. Я сильно горевала по нему, стыдно признаться, даже больше, чем по бабушке. Дед всегда был рядом, сколько я себя помнила, он рассказывал сказки, подбадривал, давал советы, а еще учил.

Хорошо, что его прибрал Трехликий и он не застал того, что творится сейчас.

Ледяная ведьма — это приговор. От него не спасает ни красота, ни высокое положение. Если в стране объявлена охота на ведьм — спасайся кто может... и куда может.

А началось все три с половиной месяца назад, когда наш король решил, что пора восстанавливать историческую справедливость, и объявил войну северному соседу. Повод... хм, может, он и был, только кто теперь разберет, действительно ли стреляли на границе или это была провокация? Разом всплыли исторические документы о прежде единой Шарналии, которую четыре поколения назад разделили между близнецами-наследниками. Тогда это казалось наилучшим вариантом избежать междоусобной войны. Тогда, но не сейчас.

Профессора, летописцы и много всякого ученого народа чуть ли не хором утверждали, что прапрадед нашего короля был рожден первым, а значит, имеет неоспоримые права на всю страну, а не только на половину. Все газеты и ведомости, казалось, тогда состояли из одних только рассуждений о близнецах и ошибках их родителей.

Мне по большому счету было все равно, на какую часть Эдгард Третий имеет больше прав, но разве мнение княжны, даже не наследной и тем более ни разу не великой, кого-то интересовало?

Северная Шарналия реагировала сдержанно, пытаясь по дипломатическим каналам достучаться до разума нашего короля. Надо ли говорить, что эти попытки полностью провалились? Когда разум затуманен жадной властью и славой, есть ли в нем благоразумие? Нет.

Эдгард Третий так и ответил на попытки примирения: «Мы долго терпели несправедливость. Пришла пора восторжествовать истине. Мы вернем себе наши земли».

Истина пришла в земли соседей, грохоча сапогами по мостовым, гремя разрывами снарядов и щелкая свинцовыми пулями, она пахла кровью, порохом и смертью. Она смеялась в лицо умирающим шарнальцам, собирая кровавую дань.

За два месяца до начала лета наши войска прокатились по стране, подмяв под себя ее треть. Газеты захлебывались от радости, визжали на улицах проповедники нового мира и порядка, мира, где наша страна станет центром, поставив всех остальных на колени.

Победы действительно заставили соседей отнестись к нам более уважительно. Договоры о мире и военной взаимопомощи заключались с невиданным успехом. Южные и восточные соседи спешили уверить в своей лояльности, отделяясь от обяза-

тельств парочкой отрядов или кораблей. А мы ломались на се-
вер, захватывая один город за другим, строя блокаду с моря и
закатывая невиданные балы и попойки во дворце, обмывая
каждую победу.

Когда все изменилось? Точно не скажу, просто в один день
радостный визг о наших победах перестал быть таким надоед-
ливым, зато утроилась слащавость речей о величии и уме наше-
го драгоценнейшего короля.

А затем пришел приказ о повальной мобилизации. Всех. Не-
взирая на титулы, лица и прочие заслуги перед отечеством.

И разом пусто стало в доме. Нам оставили несколько старых
слуг да подростков, которым не по силам было держать оружие
в руках. В одночасье мир стал другим. Из него исчезли лег-
кость, уверенность и надежность. Я ходила по пустым комна-
там, вспоминая наше прежнее, беззаботное житье. Наши весе-
лые балы, пикники и теплые семейные ужины.

По возрасту меня давно следовало сосватать, как-никак сем-
надцать стукнуло, к восемнадцати подбираюсь, но две смерти,
одна за другой, и траур, объявленный по этому поводу, продли-
ли мою свободу. Война же вовсе убрала этот вопрос из моей
жизни. Мама по привычке пыталась рассуждать о перспектив-
ных молодых людях, но похорожки, приходящие в дома наших
соседей, делали эти разговоры бессмысленными. Война не ща-
дила никого, не делая исключений между графом или простым
крестьянином.

Эти дни мы жили новостями с фронта. Война еще не вошла в
наш дом, она угрюмо топталась у порога, а мы притворялись,
что не слышим ее тяжелого дыхания, не видим злобного оскала
за окном. Мы вставали, улыбались за завтраком, подбадривая
друг друга, а сами с замиранием сердца прислушивались: не
раздастся ли звонок в дверь, а следом испуганный вскрик гор-
ничной, и не ляжет ли могильным камнем на стол похоронка.

Новости с фронта с трудом прорывались сквозь ложь газет-
ных страниц. Наши завязли под Гороховцем, отступили от Вэ-
льмы. Особо тяжелые бои шли за реку Орежу. Убитые, ране-
ные. Сколько? Слухи множились, ужасая цифрами.

Дзень! Чашка с кофе выпала из маминых рук, заливая бело-
снежную скатерть уродливым пятном. Вестник, который она
держала в руках, мелко задрожал, опустился на стол. Мама под-
няла на меня побелевшее лицо, в черных глазах застыл ужас,
бледные губы зашевелились, точно она пыталась что-то сказать
и не могла. Пара глубоких вдохов.

— Собирайся, — выговорила наконец, — мы срочно уезжаем. Укроемся у Риштеров.

— Зачем? — Я недоуменно подняла брови. Солнечное теплое утро, по-летнему яркое и сочное, несмотря на начало сентября, никак не вязалось с тревогой. Оно, как и я, не понимало, куда, зачем, а главное, почему нам требуется срочно сорваться с места.

Взгляд скользнул по вестнику, брошенному на стол, зацепился за заголовок. Я развернула газету к себе.

«Семьи предателей должны быть уничтожены!» — красовалось на первой странице. Мне хватило пары минут, чтобы пробежаться глазами по статье.

Четыре разделенных поколения — не такой уж большой срок для родственных связей. Один язык, одни обычаи заставляли аристократические семьи искать женихов или невест в Северной Шарналии. И теперь эти межгосударственные браки грозили обернуться настоящей бедой.

— За тобой придут, я знаю.

Я тоже это знала. Мое имя будет внесено в первую сотню на зачистку. Отец, брат? Страх холодной змеей обвился вокруг сердца. Мы даже не уверены, живы ли они сейчас. Последнее письмо от отца получено две недели назад. Коснется ли их зачистка, или это лишь способ взять родственников северных шарнальцев в заложники, чтобы те подняли бунт против своих? Если даже и так, ход глупый и рискованный. Знать скорее разозлится и станет мстить, чем будет плясать под указку южан.

Быстро глянула на дату вестника — двухдневной давности. Сколько времени понадобится, чтобы приказ дошел до ближайшей Тайной канцелярии? День. Еще день на поиск нужных людей — я же ведьма, и без магов ко мне побоятся сунуться. Значит, арест сегодня. Ближе к обеду.

Зло улыбнулась. Живой я им в руки не дам.

Мама тоже просчитала дату, подняла на меня беспомощный взгляд:

— Сегодня.

Я кивнула. Сейчас девять. Наш тучный губернатор встает не раньше одиннадцати. Приказ приказом, но в отсутствие местных властей арест благородной особы производить не станут. Свои же потом заключают. Вот если бы вначале меня королевским указом титула лишили, тогда другое дело. Отряд стражников, и повязали бы, как простую крестьянку, без лишних сантиментов.

Пусть самое позднее к десяти они добудятся губернатора, тот все равно без завтрака никуда с места не двинется, итого одиннадцать. Еще полчаса, чтобы добраться от Танилграда до нашего дома. У нас часа три, не больше.

Пока рассуждала, мама поднялась с места, обошла стол. В руках блеснуло лезвие небольшого кинжала — подарок свекра, с которым она последнее время не расставалась, нося на поясе.

— Прости. — Взмах руки, и исчезла тяжесть на затылке, голове стало легко-легко, а на шею упали обрезанные пряди. — Я сожгу ее. — Мама отступила, крепко держа в руке мою косу.

Сердце болезненно сжалось. Обрезать волосы — это словно потерять честь. Стать падшей, преступившей закон. Хотя какая разница? Я уже вне закона.

— Тебе придется уйти одной. — Голос у мамы тихий, но решительности в нем на целую графиню.

— Нет! — Я вскочила со стула.

— Послушай, — в ее черных глазах боль и застывшая решимость, — им нужна ты, и только ты. Наверху в чулане старая одежда Толира, оденься, сойдешь за мужчину.

— Но, мама!

— За меня не переживай. Я справлюсь. Они не посмеют тронуть Рель-Эльтари, а если и посмеют, у моего отца хватит влияния, чтобы заступиться за свою дочь, но вытащить еще и тебя...

Она замолкла, продолжать не было необходимости. Мы обе понимали почему. Достаточно одного взгляда на мое лицо для вынесения приговора: ледяная ведьма.

Боль вгрызалась в сердце, мне стало тяжело дышать.

— Я не брошу тебя здесь!

— Не глупи! — рассердилась мама и отвернулась, чтобы скрыть выступившие слезы. — Подумай об отце! Что с ним станет, если тебя арестуют?

— А если тебя?

— Айрин! — Она повысила голос. — Не будем тратить время на глупые разговоры, тебе оно понадобится, чтобы уйти, если я не смогу их задержать. Живо наверх. Много не бери. Коня, скорее всего, придется бросить.

Мы специально не говорили, куда я должна бежать. Риштеры, конечно, хорошие друзья и не отказали бы в приюте, но у них трое детей, и подставлять их под удар — последнее дело. Моя цель значительно дальше. Я могла бы отправиться на юг, бежать в Лихляндию или в Тардию, но в обеих странах у меня нет ни родственников, ни знакомых. Да и не по душе мне их

знойный, душный и пыльный климат. Границы Жардении ближе всего к Танилграду, но там ледяную ведьму станут искать в первую очередь.

Я поднялась наверх, с трудом открыла дверь в чулан и вошла в темноту. Дернула за веревку, включая свет. Вот и сундук с вещами брата. Я откинула тяжелую крышку. Наверху лежали рыбацкая куртка и штаны, и от накативших воспоминаний защищало в глазах.

Залитая солнцем река, блестящая рябь на воде, лодка, и мы с Толиром вдвоем.

— Клюет!

— Вижу.

— Подсекай. Да не дергай так, дай повисеть на крючке. Теперь медленно подтягивай.

Темную воду вспенивает блестящая рыба, и на солнце сверкает россыпь чешуек с золотым отливом. Моя первая серьезная добыча! Рыба смотрит одним глазом, лениво перебирая плавниками, словно раздумывая, позагорать еще или уже пора удалиться, а затем резко уходит на дно.

— Держи, не отпускай!

Удилище сгибается в дугу, струной натягивается леска и обрывается с тихим звоном. Ушла.

Я отогнала воспоминания — не время. Быстро отобрала пару штанов, свитер, три рубашки, теплый плащ и один тонкий, про запас. Ботинки и белье возьму свои. Из чулана отправилась в свою комнату: перебинтовать грудь, надеть рубашку, заправить в штаны, подпоясаться кожаным ремешком, пристегнуть собственный короткий меч и сразу почувствовать себя уверенней. Мысленно поблагодарила деда за военную науку. С другой стороны подвесила кинжал, на ноги надела высокие сапоги для верховой езды. Наверх плащ, на голову трилби.

Взглянув в зеркало, я недовольно скривилась. Меня выдавало лицо. Слишком нежная и белая кожа, тут нужны дорожная пыль и пара ночевков в лесу. Умываться в дороге не буду.

Побросала в мешок еще с десяток нужных вещей, включая веревку и леску с крючками, завязала горловину. Бросила последний взгляд на свою любимую комнату. Вернусь ли сюда? Кто знает...

Проглотила комок, вставший в горле, рукавом вытерла глаза. Пора.

Спустилась вниз. Из кухни шагнула мама:

— Твоего Орлика уже оседлали. Слуги знают, что ты отправишься в гости к Лустэрам на пару деньков, немного развеяться. Проводить тебя не смогут, свиньи опять вырвались из загона. Так некстати. Я всех отправила их загонять, пока огород не вытоптали.

Я понимающе хмыкнула. Мама умеет устраивать все наилучшим образом, этого у нее не отнять.

— Держи, — она протянула еще один мешок и две скрутки, — здесь еда, одеяло и отцовский плащ. Пригодится для ночевки в лесу.

Я поморщилась. У меня были деньги, и ночевать я вполне могла в трактире, но мама права, первое время в людные места соваться не стоило. Ориентировки расходятся быстро.

— И еще... — В мои руки лег маленький деревянный, но увесистый ящичек.

Потянула на себя крышку — внутри на бархате лежал револьвер: инкрустированный ствол, накладки из красного дерева на рукоятке. Красота!

— Береги себя, дочка! — Голос у мамы дрогнул, в глазах заблестели слезы. — Я буду молиться за тебя Трехликому. Прошу, будь осторожна, не рискуй.

Ненавижу прощания! Тем более такие, когда не знаешь, вернешься, да и останешься ли в живых?

— Я дам знать, когда...

— Нет! — Она покачала головой. — Если мы проиграем, северные все равно останутся врагами. Если выиграем, врагами станем мы. Так уж вышло, дочь, тебе лучше будет среди них. Езжай, не рви сердце. Еще немного, и я тебя никуда не отпущу.

Выехав через заднюю калитку, я сразу пустила Орлика в галоп. Проскакала через поле, оглянулась на холм. С вершины спускалось пылевое облако. Невольно восхитилась упорством агентов Тайной канцелярии. Подвигнуть губернатора выехать из дома раньше десяти утра?! На это мало кто способен.

Оглянулась в последний раз на стены родного дома, белеющие сквозь стволы старых яблонь, и направила коня в чащу леса. Впереди бежала знакомая тропинка, пахло разнотравьем, прелой листвой и грибами. Чернели ягоды, красными и желтыми пятнами высывались шляпки грибов. Орлик принюхался и пошел бодрее. Ему явно по душе была эта прогулка.

Я тоже встряхнулась, поймала солнечный блик, отразившийся от поверхности пруда, ох и знатные же в нем водятся караси, и... улыбнулась. Пусть сколь угодно долго ловят княжну, разыскивая меня у соседей, друзей. Я там, где никто не догада-

ется меня искать. Я еду на север. Одна, без сопровождения, в мужском костюме.

Безумная, но пока удачно складывающаяся идея побега щекотала нервы азартным предвкушением приключений, заставляя губы расплываться в дурацкой улыбке. Я прищипорила коня и рассмеялась, вдыхая горький аромат лесной осени. Меня не пугали трудности и одиночество. Я верила в себя, верила в удачу Таль-Сорецки и до проклятых теней была рада вырваться из ставшего душным дома, где призрак ожидания беды и смерти давно уже слонялся по углам, заставляя просыпаться по ночам и долго лежать, вглядываясь в темноту.

Третий день пути вышел самым поганим. Солнышко активно пригревало, и копыта Орлика легко ступали по сухой земле. Я ехала по второстепенным дорогам, избегая главного тракта, ночуя в лесу на подстилке из веток, укутываясь аж в три плаща. Сентябрьские ночи заставляли стучать зубами от холода, а утром прыгать козочкой, разогревая заочеченевшее тело. Кроме холода худшим испытанием мог быть только дождь, вот он и зарыдил с утра третьего дня.

Как чувствовала, что ждать от затянутого тучами неба ничего хорошего не стоит. Первые капли упали еще до полудня, а затем дождь лишь усиливался, превратившись к вечеру в настоящий ливень.

— Ничего, милый, не растаем, — подбадривала я себя и Орлика, похлопывая коня по шее.

Орлик недовольно всхрапнул и замедлил шаг, намекая, что пора бы укрыться и переждать где-нибудь непогоду. Я с тоской оглядела ставший разом неприветливым лес. Сверху капает, под ногами хлюпает, ветки мокрые, костер не разжечь. Спать в этом? Нет, спасибо.

Впереди показался тракт. Я медленно выехала на широкую дорогу, мощенную плитами. Указатель намекал на близкую деревню под названием Малые Выселки, а отсутствие людей — на то, что все нормальные путники уже пребывают под крышей выселковского трактира.

— Рискнем?

Орлик послушно повернул в сторону и перешел на рысь. Ему тоже не терпелось переночевать в конюшне, отведать свежего овса. Надо будет пополнить запасы, да и себе купить в дорогу хлеба, вареных яиц, картошки и вяленого мяса. Надеюсь, мое лицо достаточно пропиталось дорожной пылью, чтобы с него стерся лоск аристократизма.

Трактир оказался выдавшим виды домом с огромным двором, по краям которого торчали темно-серые намокшие сараи и конюшня. Но окна гостеприимно светились, на дворе было чисто, а дверь в конюшню недавно меняли.

На стук копыт выскочил худощавый парень в одной рубахе. Я кинула ему монету и, сделав голос пониже, приказала:

— Расседлать, обтереть и накормить. Учти, лично проверю.

Парень кивнул, перехватил уздечку. Я соскочила с коня, отвязала мешки с припасами и направилась внутрь.

В зале было многолюдно — в непогоду желающих сэкономить на ночлеге под крышей нашлось немного. Сердце кольнула тревога: а вдруг?.. Но я приказала себе не паниковать. Теплая кровать, горячая еда перевешивали страхи, да и если свалюсь с простудой, хуже будет.

Прошла к стойке. Ничего сложного в том, чтобы вести себя как мужчина, нет. Морду понаглее, шаги покрупнее, и ноги ставить пошире. Ах да. Никакого внимания к своей внешности. И хорошо, что руки заняты мешками и у меня нет возможности отряхнуть плащ, а так и тянет это сделать...

— Что угодно достопочтенному господину?

Толстый, с круглым лицом, щедро усыпанным веснушками, с рыжими волосами и глубоко посаженными маленькими глазками, трактирщик не выглядел достойным доверия, встретить я его ночью, непременно решила бы, что он разбойник, но выбирать не приходилось.

— Комнату, ужин и завтрак подать туда.

Наглость моего тона, а может, недостаточная его мужественность заставили его прищуриться, окинуть гостя подозрительным взглядом, но серебрушка в руке сыграла свою роль, и он согнулся в любезном поклоне:

— Конечно, господин. Комнаты все заняты, увы, но у меня есть отгороженный закуток с кроватью. Если не побрезгуете...

Я была согласна и на тюфяк на полу, но «закуток» звучало многообещающе.

— Давай свой закуток, но тогда в уплату добавь пару мешков овса и припасы в дорогу.

Пока готовили закуток, украдкой огляделась. До границы еще два дня пути, однако дыхание войны чувствовалось и здесь.

В зале было неприлично много военных. Целых шестеро. Сидели за отдельным столом, быстро улетаая ужин. Один красовался с грязными бинтами на голове, второй берег руку. С фронта? На побывку, лечение или дезертиры? Впрочем, гадать — пустое дело.

Справа и слева столы оккупировали мужики. Хмурые лица, сосредоточенные взгляды, и всего лишь пара кувшинов медового вина. На заработки в город? Нет, сейчас только начало сентября, на полях не собран урожай, рано для города.

В углу жались три семьи. Непривычно тихие дети, бабы с затравленными взглядами, мужики в несвежей одежде. В пути явно не первый день. Беженцы? Однако до фронта далеко, да и, если верить новостям, фронт пока не на их территории. Тогда откуда это желание сняться с привычного места и уйти вглубь страны? Но, может, я просто сгущаю краски. Переселенцы были во все времена, почему я решила, что их уход связан с войной? Мало ли причин, чтобы поменять дом? Но сейчас начало сентября, самое время уборки урожая. Так что действительно мало.

Сидящие за столом около окна заставили меня напрячься и отвернуться к стойке. Двое. Одеты в гражданское, но их повадки... Что же, хищники тоже не любят сырость и дождь. Надеюсь, моя скромная персона их не заинтересует. Наша встреча — мимолетное дорожное обстоятельство, ничего больше.

— Прошу, господин.

Бойкая служанка смазливой внешности и, о чудо, в чистом светлом платье появилась как раз вовремя. Чужие взгляды жгли мне спину. Стою тут, как статуя на выставке. Паранойя? Скорее всего. Только мне в любом варианте внимание ни к чему.

Взяла мешки и, топя сапогами, пошла за служанкой. Мы поднимались по темной лестнице, девчонка несла лампу, и в ее желтом свете просевшая старость дома бросалась в глаза еще сильнее. Пахло кислой капустой, затхлостью, несвежим бельем и плесенью. В окна барабанил дождь, где-то в углу капало с крыши, под ногами скрипели половицы.

— Ваша кровать, господин.

Мне показалось, или в голосе проскользнули извиняющиеся нотки? Желтый круг света выхватил из темноты кровать, накинутое сверху зеленое одеяло, сундук, стоящий так плотно к кровати, что протиснуться между ними можно было лишь боком, черное окно в потеках дождя. От чужих глаз эта убогость прикрывалась невзрачной занавесью из плотной ткани.

Отличные хоромы! Просто княжеские.

— Сейчас принесут ужин. Что-нибудь еще?

— Кувшин горячей воды и таз, — распорядилась я.

— А больше господин ничего не желает? — протянула служанка, покачивая лампой.

Темнота удачно скрыла мое вытянувшееся от удивления лицо. Не поняла, эта поганка на что сейчас намекает? На то самое?

— Не желает! — рявкнула в ответ.

Бамц! Лампа, чудом не разбившись, приземлилась на сундук. Обиженно застучали каблуки по коридору, могу поклясться, что задом девчонка виляла исключительно из мстительности.

Я задернула штору и с наслаждением плюхнулась на кровать. Стащила сапоги, вытянула ноги — вот оно, блаженство.

Едва успела прикрыть глаза, как принесли ужин. Парень с рябым от оспин лицом молча сгрузил на сундук поднос с едой, ушел, вернувшись с тазом и кувшином. От воды поднимался пар — горячая.

Я дала ему мелкую монетку и договорилась, что поднос он заберет утром.

Наконец-то можно было избавиться от мокрого плаща, размотать бинты на груди, снять шляпу. Я быстро помылась, с наслаждением ощущая, как по телу разливается приятное тепло от горячей воды, затем переоделась в сухое, а вымокшую одежду повесила на спинку кровати — подсохнуть.

«Благородная девица должна есть маленькими кусочками, не торопясь, чтобы окружающим было приятно лицезреть ее трапезу», — из свода правил домоведения.

Благородства во мне сейчас было не больше, чем в мокрой кошке, а окружающих в этом темном углу вообще не наблюдалось, как и ножа с вилкой на моем подносе. Зато там находились горшок с рисом и грибами, куриная ножка в соусе с гарниром из отварного картофеля, стакан медового вина и пирожок с яблоками на десерт.

После сытного ужина в голове потяжелело, и меня неумолимо потянуло в сон, но паранойя решительно воспротивилась такой безответственности. Спать в чужом месте за пыльной шторой вместо двери?

Я посмотрела на штору, перевела взгляд на кровать, затем на плачущее дождем окно... Да пошли они все погулять по пустошам... Сегодня сплю здесь, пусть даже сотня проклятых теней решат заглянуть на огонек.

Притушила лампу, оставив фитилек слегка тлеть. Легла не раздеваясь, укрывшись запасным плащом, поворочалась и поняла, что не засну. Сверху скрипело, надрывно и тянуще, снизу, из зала, где ужинали постояльцы, доносился шум, крупные капли стучали в окно, будто просясь пустить их в дом.

Ругнулась, крутанула колесико лампы, оживляя темноту язычком пламени, достала из-под кровати мешок, выудив оттуда сложенную веревку.

Нужный гвоздь, наполовину вбитый в стену и загнутый, чтобы не торчал, нашелся сразу. Я поддела его кинжалом, заставляя слегка распрямиться. А что у нас с другой стороны? С гвоздями больше не повезло, но оставался сундук. Пыхтя, подтащила его вплотную к шторе. Сундук встал ровно от угла кровати до занавески. Второй конец веревки зацепила за отогнувшуюся с угла металлическую обивку. Не слишком надежно, но уронить незваного гостя, что шагнет за штору, хватит.

Кинжал сунула под подушку, меч в ножнах положила рядом, мешки под окно и наконец легла спать.

Сквозь сон слышала, как хлопали двери на этаже, как укладывались постояльцы на ночлег, а затем все затихло, и трактир постепенно погрузился в сон.

Под утро меня разбудил стук копыт под окном, а может, это было знаменитое везение Таль-Сорецки, о котором так много рассказывал дед. Поворочалась, ловя остатки сновидения, и уже почти заснула, когда раздавшиеся на лестнице шаги заставили замереть и прислушаться.

Свистящий, еле слышимый шепот, и я покрылась холодным потом.

— Куда дальше?

— Вот там, в конце. За шторой. Видите? — Голос трактирщика. Сдал, сволочь.

— Да у тебя тут как в заднице. Ни проклятого не видно.

Чиркнула спичка о коробок, и пятно света выползло из-под шторы.

— Свободен.

Сопение трактирщика затихло на лестнице, я слышала, как он спускается вниз, а вот шагов гостя не слышно. И это плохо, очень плохо.

Кинжал зажат в руке, ноги я медленно спустила на пол. Спичка догорела, и все снова погрузилось в темноту.

За окном уже серело, и закуток перестал напоминать темную дыру. Я довольно четко различала штору, сундук, мешки под окном. Пол под босыми ногами не теплее льда. Надо бы надеть сапоги, но скрипучая кровать может раньше времени выдать мое пробуждение, и тогда гость не будет так беспечен.

Затаив дыхание, я вслушивалась в тишину. Пальцы на рукоятке кинжала немели от напряжения. В доме тихо, лишь с улицы доносился шум ветра, зато дождь не слышен, и это радовало.

Скрипнула половица, и сердце замерло. Еще одна, уже ближе. Медленно отодвинулся край занавеси, я прикрыла глаза, ставляя лишь маленькую щелочку.

Если бы гость продолжил осторожничать, у меня бы ничего не вышло. Но что-то привлекло его внимание. Может, заметил очертание меча под одеялом, или не понравилась моя поза, хотя ноги я прикрыла плащом. Не суть. Гость ринулся ко мне, по пути ожидаемо наткнувшись на веревку. Он еще попытался удержать равновесие, рукой зацепившись за штору, но по возрасту штора была не моложе дома, а потому с треском оборвалась, обдав нас тучей пыли.

Последующее падение я встретила, стоя на полу. Мне и делать особо ничего не пришлось — так, немного придать нужную траекторию гостю, чтобы тот перелетел через низкую спинку и приземлился на кровать.

Прыгнула сверху и под жалобный скрип пружин приставила кинжал к открытому горлу, второй рукой обшаривая тело мужчины на предмет неожиданностей. Дважды повезло, что при обрыве шторы гость выпустил из рук кинжал, и тот, звякнув, улетел под кровать. То ли другого оружия у него не было, то ли он оставил меч в конюшне, решив, что тот ему не пригодится в тесных комнатах трактира, но я ничего опасного не нашла.

— Дернешься, прирежу, — шепотом пригрозила на всякий случай, плотнее прижимая острое лезвие к белеющей в полумраке коже.

Гость дергаться не стал. Упал он крайне неудачно, утянув за собой штору, и сейчас лежал погребенный под ее тяжестью. Из-под слоев ткани виднелись подбородок, шея и верхняя часть кожаной куртки. В такой позе особо не повоюешь, даже если тебе угрожает кинжалом лишь слабая женщина.

— Значит, твой коняка был. — Гость позволил себе дерзкую улыбку, а я зашипела от злости, понимая, что теряю инициативу и штора долго его не удержит.

— Попалась, ведьма, — подтвердил он мои предположения и даже не дрогнул, когда я вдавила лезвие в кожу и вниз потекла алая струйка крови.

«Да чтоб тебя проклятые забрали!» — выругалась про себя. Огляделась по сторонам. Решение созрело мгновенно. Гость попытался уклониться, скатиться с кровати, освободить руки, но я была быстрее, со всего размаха опустив пустой кувшин ему на голову. Мужчина дернулся, закатил глаза и обмяк.

Пару мгновений я прислушивалась к спящему дому, но в тишине слышался лишь бешеный стук собственного сердца. Мы шумели, но, видимо, недостаточно громко, чтобы заставить любопытных сползти с кроватей и выйти в коридор.

Дальнейшее заняло минут пять, не больше. Тратить время на связывание мужчины я не стала. Смысл? Все равно скоро начнут просыпаться постояльцы, и его найдут. Да и маловероятно, что он очнется быстро, все же приложила я его со всей дури испуганной курицы.

Сняла веревку — еще пригодится, сунула непросохшие вещи в мешок — потом разберемся, надела сапоги, взвалила на плечо мешки и на цыпочках спустилась вниз. На каждый скрип останавливалась, обливаясь потом и ожидая гневного окрика, но пронесло.

На выходе не выдержала и наведалась на кухню, потратив еще пару драгоценных минут на ограбление кладовой. Пополнив припасы, выскочила во двор.

Еще никогда я не седлала Орлика с такой быстротой. Рядом с моим конем обнаружился чужой, не расседланный, и даже седельные сумки не были сняты. Я сунула любопытный нос в одну — одежда, вещи, а вот во второй были бумаги под печатями, часть из них явно зачарованные. Кинула взгляд на бланки. Куда уж без тебя, Тайная канцелярия, чтоб вас всех разорвало!

Прямо за воротами пустила коня в галоп. У меня был примерно час форы, свернуть в лес всегда успею, лучше воспользоваться пустынной дорогой, пока агент валяется без сознания. Однако гость был прав. Орлик — слишком приметный конь, чтобы продолжать на нем путь. Как ни жаль, придется расстаться.

Глава 2 ЗЕЛЕНОЕ ОЗЕРО

Орлик практически летел по дороге, копыта со звонким цоканьем касались мокрых после дождя плит, и сосны, стоящие вдоль тракта, отражали и множили эхо нашей скачки. Я боролась с желанием пришпорить коня, чтобы оказаться как можно дальше от трактира. Душу заливал пьянящий восторг — ушла, улизнула, оставила в дураках! Скинула капюшон, сняла шляпу, позволяя ветру безнаказанно ворошить волосы. Щеки горели, на губах играла улыбка. Получилось!

Встающее за лесом солнце протягивало розовые тени по серому мху, в кустах раздавались первые перепевы лесных птиц, прошедший накануне дождь оставил после себя сладкий привкус свежести, и казалось, что это замечательное утро радуется вместе со мной.

Уж не знаю, кого благодарить за подобное везение, но сегодня мне чудом удалось уйти из жадных лап Тайной канцелярии.

Когда сошел адреналин и вернулся здравый смысл, я пустила Орлика крупной рысью. Дорога за спиной была приятно пустынна, а скоро покажется и нужная развилка, если карта не врет.

Он назвал меня ведьмой, знал, собака, о моем родстве и возможном наличии дара, а когда убедился, что в трактире ночью именно я, не стал рисковать в одиночку сцепиться с ведьмой. Вот и причина моего везения. Агент боялся меня не меньше, чем я его.

В трактир завернул случайно — обсушиться после дождливой ночи, в конюшню заметил Орлика и решил проверить, чей это конь. Не хочу даже думать о том, что поиски зашли далеко на север или что я сильно недооценила господ из канцелярии, — меня банально просчитали и теперь спешно перекрывали северную границу. Этот вариант был бы самым грустным.

Тряхнула головой — будем надеяться на лучшее. Наша встреча — действительно случайность, но теперь эта случайность может мне дорого обойтись. Итак, канцелярия взялась за меня всерьез, снабдив агентов по всей стране подробным описанием. Не слишком умно тратить столько сил на одну княжну, когда проблем и без того хватает.

Допустим, они арестовали большинство семей так называемых предателей в первые два дня. Многие жили в столице или рядом. Но зачем так настойчиво гоняться за остальными? Не понимаю.

На душе стало тошно от предчувствия надвигающейся беды — горького, вязкого, пахнущего болью, отчаянием и потерей свободы. Я что-то упустила из виду, но что?

Гадать не было смысла. Надо думать о сегодняшнем дне.

Как ни оттягивала я этот момент, но с Орликом придется попрощаться. Тарецкие скакуны слишком приметны, а для загономой дичи, которой я, увы, сейчас являюсь, такой конь — непозволительная глупость. Я совершила ошибку, взяв с собой Орлика, но четыре дня назад побег казался чем-то несерьезным, да и не могла я сесть на кого-то другого, кроме Орлика.

Отец много лет выводил новую породу, а когда у него получилось, то слава о тарецких скакунах быстро разлетелась по всей стране. Тонконогие, высокие, они отличались силой, выносливостью, а еще удивительной сообразительностью. Но самой главной чертой породы была звездная шкура. Черная, серая или коричневая, но обязательно с белыми пятнами по крупу, формой напоминающими звезды.

Пять лет назад Орлика мне подарил отец, жеребенком, еще только отошедшим от матери. Пять лет я сама воспитывала его, тренировала и не мыслила себя на другом коне. А теперь из-за моей глупости вынуждена отдать его в чужие руки.

Оставить Орлика в крестьянском хозяйстве — значит погубить. Был у меня запасной вариант, который серьезно удлинит мой путь, но Орлик того стоил.

На севере в местечке под названием Зеленое Озеро находился конный завод. Его владелец был одним из пяти основных конкурентов отца. Мы не были представлены лично, но о зеленщиках, как их называл отец, я наслушалась с детства.

Рискованно? Да, конечно. Впрочем, Альвер Койл был таким же сумасшедшим до лошадей, как и мой отец. Он не откажется от подарка и, будем надеяться, не сразу сдаст меня агентам.

Зеленое Озеро лежало в стороне от тракта, и, чтобы до него добраться, мне пришлось сделать приличный крюк, добавив два дня до границы, если перейти на пешее передвижение. Но я не жалела об этом. Да и в любом варианте пришлось бы уклониться в сторону, чтобы выйти из облавы. Уверена, агенты сейчас спешно перекрывают дорогу до границы, прочесывая район Малых Выселков. Моя цель для них больше не секрет.

Сам переход я представляла себе крайне смутно, в основном по книгам, которые тайком брала у брата. В них герои чаще всего нанимали проводника, и тот переводил их тайными тропами на другую сторону. Представила, как ищу по деревне такого вот проводника... Н-да, меня скорее повяжут и сдадут властям, чем повезет наткнуться на нужного человека.

Другим вариантом было пойти добровольцем на фронт, а потом во время боя уйти на сторону врага. Была бы парнем, один разговор, людей в войсках всегда не хватает, и на «потерянные» документы могли закрыть глаза, но долго и качественно изображать мужчину я не смогу.

Итого в сухом остатке: ночь, глухая чаща и поза червяка при переходе. Ведь агенты, как и погранцы, тоже люди, и лезть в бурелом им не хочется, да и наличие коня подразумевает, что я буду придерживаться лесных дорог.

А вот проклятого вам в гости, господа агенты. Таль-Сорецки никогда не чурались трудных путей. Надо ползти — поползем, надо будет в чаще погулять — погуляем. Еды я набрала в таверне, крючки и леску прихватила из дома — если туго придется, попытаюсь наловить рыбы. У меня на пути аж три речушки да два озера. Главное, обойти болото. Вот там ни одна карта не поможет, ни один компас не спасет. Провалишься в трясины, и с концами.

Зеленое Озеро встретило меня благостной тишиной и пасторальностью пейзажей. Покрытые зеленью луга, журчащий на перекатах ручей, через который был перекинут горбатый мост, крепкие изгороди загонов. Где-то вдалеке за холмом слышалось ржание — там паслись табуны, перегнанные по случаю хорошей погоды на дальние пастбища.

В самой усадьбе было сонно и тихо. Теплый осенний полдень навел на всех дремоту. Лениво брехнула собака, отзываясь на стук копыт Орлика, да метнулась через дорогу белая курица, растопырив крылья и гневно вереща о прерванной пыльной ванне, которую она изволила принимать прямо на въезде во двор.

Я спрыгнула с Орлика, огляделась. Передо мной, в окружении хозяйственных построек, стоял добротный дом в два этажа, сложенный из тесаных бревен. Никаких колонн и излишеств в виде пилястр или портиков. Единственное, что позволили себе хозяева, — резные наличники на окна и двери, да башенку с правого бока дома, на шпиле которой гордо поворачивал по ветру свой металлический хвост петух.

— Кто таков? — Грозный окрик заставил Орлика вздрогнуть и попятиться.

И было от чего. На пороге сарая стояла высокая, богатырского телосложения женщина. В одной руке она держала вилы, во второй пустое ведро, а мне почему-то сразу представилась передовая, пушки и она со снарядами в руках. Нет, надо меньше думать о войне. Впрочем, цветастый платок, надвинутый по самые брови, выглядел довольно мирно, как и темно-синее платье с серым передником на груди.

— Хозяин где?

Меня окинули пытливым взглядом, оценили хоть и запыленную, но недешевую одежду.

— В доме, отдыхать изволят, — гроыхнув ведром, сообщила работница.

Я привязала Орлика у коновязи, ободряюще похлопала его по шее и пошла к дому. На белой двери не было заметно ни звонка, ни молотка, и я просто потянула за ручку и вошла.

В светлой прихожей никого не было. Чуть помедлив, я заглянула в столовую, прошлась до лестницы на второй этаж. Ни хозяина, ни слуг — чудеса. Через стеклянную дверь вышла на широкую веранду. Отсюда открывался потрясающий вид на холмы, зеленые луга, разделенные темными линиями загоронок, на лошадей. Яркими солнышками выделялись на траве буланные и соловые, переливались темные шкуры вороных и гнедых, а среди них белыми облачками бродили лошади серых мастей. По краям поля стояли высокие конюшни, под навесами виднелись стога свежего сена. А прямо от веранды вниз по склону раскинулся сад. Алели на ветках яблоки, синели сливы, желтели медовыми боками груши.

Легкое покашливание заставило меня замереть на месте, а затем круто развернуться.

— Простите.

Пожилой мужчина сидел в кресле, укрыв ноги шерстяным пледом. Мне бросились в глаза круглая бритая голова, маленькие глазки и пухлый животик, выпирающий под пледом.

Не торопясь, хозяин нацепил очки, лежащие перед ним на столе, внимательно оглядел меня.

— Вам не за что извиняться, — проговорил с грустной улыбкой, — после того как забрали Ерона, приходится управляться самим. Мне обещали прислать толкового паренька, который, ну, вы понимаете, не годится для военной службы.

Я понимала. Если у нас забрали практически всех слуг, годных к службе, хотя наше поместье и расположено в центральной части страны, то что говорить про приграничье? Выгресли подчистую.

— Так с чем пожаловали, милейший?

Альвер нарезал уже пятый круг около Орлика, восторженно охая, причмокивая и качая головой. Орлик нервно переступал ногами и с подозрением косился на пребывающего в эйфории господина.

— Какой экземпляр, нет, какой экземпляр! А грудь? Нет, вы только гляньте на его грудь! Какие пропорции, какая длина плеч! А ляжки! Это же идеальные ляжки! И смотрите, мышцы на окороке как проступают!

Орлик вздрагивал, по гнедой шкуре проходила дрожь, а мышцы на окороке от напряжения выступали рельефнее.

— Ну-ну, мальчик, не надо волноваться.

Альвер не делал попыток ни подойти, ни погладить, и за целостность его пальцев я постепенно перестала волноваться.

— И сколько вы за него хотите?

— Я не продаю, — покачала головой я, — хочу, чтобы вы взяли его на время, пока... пока не закончится война. Если в течение полугода я его не заберу, он ваш. Целиком и полностью.

Альвер хмыкнул, бросил на меня внимательный взгляд.

— Деньги у меня есть. Могу заплатить, — добавила поспешно.

— Не унижайте меня, — отмахнулся коннозаводчик, — я все понимаю. Такому красавцу нет места на войне. У меня каждый день сердце кровью обливается при мысли о тех, кого пришлось отдать. Половину табуна увели, сволочи. — Он хмуро посмотрел в сторону загонов. — Но вашего не отдам. Спрячу, костыми лягу, но не отдам.

И я ему верила. Наверное, потому, что сейчас в глазах у Альвера горел такой же огонь страсти, какой я не раз наблюдала у отца, когда он покупал нового жеребца или кобылу. Пусть внешне они были абсолютно непохожи, но эти слова, жесты...

Внезапно стало больно глотать, и я отвернулась, чтобы скрыть набежавшие слезы.

— Милейший, только мне совесть не позволит лишать вас транспорта. Сомневаюсь, что за поворотом вас ждет железный конь.

Железными конями в народе прозвали недавно появившиеся автомобили. Они пока облюбовали города, лишь изредка навеваясь в провинцию, и их почти сразу невзлюбили за вонь, грохот и лихачество водителей, приводящее к частым авариям.

— Вы правы, не ждет.

— Тогда могу я вам предложить Звездочку? Чудная кобыла, уж поверьте. Внешне неказиста и старовата, зато обладает ценнейшим качеством. Если вы оставите ее около Черного ручья или, например, Мельничных Запруд, она сама вернется домой. Подумайте, не спешите отказываться.

Я не спешила. Надо же, Альвер оказался совсем не прост. Быстро же он меня раскусил. И что теперь? Сдаст?

— Зачем вы мне помогаете? — Голос от волнения прозвучал низко и хрипло.

— Внучатая племянница. — Альвер снял очки, достал платок из кармана, принялся протирать и без того чистые стекла. — Ее мать из северных, но она лишь жила рядом с горами и к ледяным не имела никакого отношения! — В конце голос Альвера сорвался на крик.

— Забрали?

— Четвертый день никаких вестей, — кивнул он с убитым видом, — ей же только двенадцать!

— Мне жаль.

— А, — махнул рукой Альвер, снова нацепляя очки, — вы-то чем поможете! Так берете?

— Беру.

Отказываться от лошади глупо. Тем более в моих обстоятельствах.

— Пока седлают, может, отобедаете со мной? — спросил он с надеждой.

— Нет, спасибо. Я тороплюсь.

— Да-да, понимаю. — Альвер засунул руки в карманы, покачался на носках. — Я велю сложить вам пироги в дорогу. Знаете, вы очень похожи на своего отца, — добавил он и, развернувшись, пошел к дому.

Я так и застыла на месте. Кинула затравленный взгляд по сторонам. Куры, с усердием копошащиеся в пыли, здоровенная псина, развалившаяся в загоне и видящая пятый дневной сон, беззаботная бабочка, белым цветком порхающая по двору, и никому нет дела до какой-то беглянки.

Разжала кулаки, вытерла вспотевшие ладони о штаны. Бежать глупо. Зачем помогать той, которую хочешь сдать?

Примерно через полчаса я выезжала из Зеленого Озера. Звездочка, низкорослая кобыла невнятно серой окраски, меланхолично переступала копытами, не собираясь признавать ни галопа, ни рыси. А, проклятый с ней. Мне сейчас не хотелось ни скорости, ни скачки. На душе после прощания с Альвером было пасмурно и тоскливо. Настолько тоскливо, что я смахнула украдкой пару слезинок.

— Отсюда до заставы полдня, если не спеша. — Альвер стоял около Звездочки. Взгляд насупленный, руки в карманах, очки съехали на кончик носа, а мне сверху был виден солнечный зайчик, бликующий на лысине, и страха не было совсем. — Меня сегодня — так некстати — разобьет радикулит. И раньше завтрашной первой звезды подняться не смогу.

— Спасибо.

Поддавшись внезапному порыву, соскочила с седла, обняла его за шею и быстро коснулась губами теплой щеки.

— Ну-ну... — Альвер странно шмыгнул носом и отвернулся.

Я взлетела в седло, нашла взглядом Орлика. Сердце заныло, а силуэт коня стал расплываться. Прости, друг. Если Трехликий позволит, я за тобой вернусь, обязательно вернусь.

— А ну, пошла! — закричал вдруг Альвер, награждая Звездочку смачным шлепком по заду.

Кобыла недовольно заржала и сорвалась на легкую рысь. Рыси хватило на пару минут, а затем кобыла, не ощущая никаких понуканий, перешла на шаг и лениво побрела по дороге. Я позволила себе расслабиться и обдумать ситуацию.

Альвер будет обязан доложить о моем визите. Орлик слишком приметный конь, и глупо надеяться, что о нем не станут болтать. Как он это устроит, чтобы не пострадать самому, меня волновало мало, главное когда. Первая звезда! Он будет ждать возвращения лошади завтра вечером. Что же, у меня есть время продвинуться как можно ближе к границе, а затем отпустить Звездочку домой.

Я мысленно прокручивала наш с Альвером диалог. Зеленщик непрост, он явно пытался сказать больше, чем мог, и что-то цапнуло в его словах, но что?

Ледяная! Мать его внучатой племянницы не имела никакого отношения к ледяным. Значит, охота идет не просто за северными, и родственные связи за границей лишь повод провести облаву. Скверная новость. Более чем скверная.

Но у меня же нет дара! Зачем им княжна, которая лишь на четверть ледяная, да еще и без родового дара?

В душе всколыхнулась давняя обида. И точно вчера это было: первая кровь, гордое осознание взросления, встревоженные лица взрослых, поднятые по тревоге слуги и трое в серых мундирах, с лстывыми улыбками на лицах и омерзительными взглядами холодных глаз.

Меня проверяли каждый год до совершеннолетия, но ту проверку я запомнила отчетливее всех. Помнила собственные слезы от унижения, от бессилия и предательства взрослых. Меня раздели догола и даже в рот залезли проверить, не спрятан ли там экранирующий амулет. Помнила боль от пореза, когда брали кровь на исследование, как будто обязательно было резать запястье, а не просто уколоть палец, и тошноту от магического воздействия. Еще помнила тихий голос бабушки и ее теплые, ласковые руки на моей голове: «Все к лучшему, милая. Все к лучшему. А про этих даже не думай. Они никто. Так, псы. Пришли и ушли ни с чем, а ты осталась с нами».

Я и не думала... до сегодняшнего дня, а оно вон как повернулось. Королю зачем-то понадобились ледяные ведьмы. Решил устроить показательное сожжение на костре? Тогда наличие дара действительно не важно. Зачем возиться с проверками, когда можно просто объявить девицу ведьмой, благо внешность

у ледяных хоть и специфическая, но встречающаяся среди обычных людей, затем подкинуть фальсифицированные обвинения: короля сглазили, военного министра до поноса довели, на все войско неудачливость наслали — и вперед, на костер. И народ счастлив — зрелище устроили и виновных в бедах на-шли.

От собственных размышлений стало нехорошо. Заныл живот, сдавило грудь и стало трудно дышать, а полуденная жара так некстати напомнила другой жар, костровой.

Стукнула коленями по бокам Звездочки. Лошадь недовольно всхрапнула и ускорила шаг. Но мне этого показалось мало, и вскоре кобыла бодро рысила по дороге, а я пыталась убежать от придуманных страхов.

Часть пути пролегла по главному тракту, ее мы преодолели в густых сумерках. Впереди слышался стук колес — шел обоз, но его мы не догнали, свернули раньше в лес. Моей целью была речка Тихая и впадающий в нее Черный ручей.

Если карта не врала, этот ручей напрямик выведет меня к границе, главное не потерять его из виду, когда буду пробираться сквозь бурелом или обходить болото. Но это уже ближе к месту перехода. Пока же местность вокруг радовала высокими соснами, растущими на покатых холмах, густо покрытых серебристым мхом.

Пару часов до восхода луны мы провели в праздном безделье. Звездочка щипала траву, а я наконец добралась до свертка с пирогами, запах которых активно дразнил всю дорогу. Кроме пирогов мне выдали бутылку молока, мешочек с крупами, с десятков картофелин, пару луковиц и морковок. Целое богатство в моих обстоятельствах. Ведь неизвестно, сколько придется плу-тать до границы.

Я поела, больше на ощупь и запах, чем различая, что именно совала в рот. Пироги у Альвера оказались знатные, с пышным тестом и вкуснейшей начинкой аж трех видов: яйцо с луком, грибы и яблоки с брусникой. Запила ужин молоком, поделилась куском сахара со Звездочкой, остаток времени до восхода луны просидела, укутавшись в плащ.

Река Тихая вывернула внезапно. Вот бесконечно тянулась лесная, уже порядком заросшая травой дорога, причудливая и странная в холодном свете луны, справа и слева вставал лес, живущий своей жизнью, с тенями, шорохами и ночными звуками, и вдруг пространство разомкнулось, раскрыв перед нами мерцающий купол звездного неба, и мы застыли на обрыве, а в

душе поднималось что-то большое, трепещущее, и дыхание сбивалось от накатившего восторга.

Внизу под обрывом темнела лента реки с серебряным пояском посередине. Дорога заворачивала вдоль берега к броду. Звездочка поупрямилась, но в воду вошла. Брод был не слишком мелким, и нам обоим пришлось намочнуть. Я благоразумно сняла сапоги, а мешки повесила на себя, чтобы не замочить припасы.

Искушавшись по брюхо и пару раз скользнув копытами по глинистому берегу, Звездочка выбралась на ту сторону.

— Ну все, милая. Отмучилась. Сейчас расседлаю, и домой.

Сбросила мешки вниз, спрыгнула сама. Быстро, чтобы не закончить на мокрой от росы траве, обтерла ноги и надела сапоги.

Как мы с Альвером договорились, седло мне дали старое, потертое, сбрую тоже не новую — все это придется бросить здесь. Отпускать оседланную лошадь рискованно, а неоседланная могла и сама убежать из загона, чтобы, «нагулявшись», вернуться домой.

Серело. С реки поднимался туман, утро наступало зябкое и неуютное. Жутко, до проклятого, хотелось спать. Плеснула в лицо водой из реки — полегчало, в голове немного прояснилось, зато стало еще холоднее. Трясущимися руками расседлала Звездочку, подвязала к морде мешок овса, и кобыла с хрустом принялась завтракать.

При мысли о еде меня затошнило. Полжизни за теплую постель и кружку горячего чая. Накинула второй плащ, чтобы хоть немного согреться, попрыгала на месте, хлопая себя по бокам. Лошадь прервала прием пищи, с интересом наблюдая за моими упражнениями.

Невдалеке дребезжащим кваканьем лягушки приветствовали новый день.

Сгрела седло, уздечку и подпруги. С натугой приподняла, отволокла к болотцу и с размаху зашвырнула в темную жижу. Жижка ответила смачным бульканьем, принимая подношение. Пока шла по высокой траве, вымочила оба плаща, и теперь они мокрыми полами неприятно били по ногам.

Вернулась к лошади, та встретила меня еще более удивленной мордой. Ну да, на ее памяти впервые двуногие выкидывали в болото столь ценные вещи.

Забрала у кобылы опустевший мешок из-под овса и предложила валить домой. Звездочка взмахнула длинными ресницами, переступила с ноги на ногу, но с места не сдвинулась.

Проклятого ей под хвост!

Стеганула лошадь по заду пустым мешком и проорала:

— Пошла домой!

Кобыла обиженно всхрапнула и задрала губу, продемонстрировав желтые зубы и готовность укусить в случае чего.

— Домой, — настойчиво проговорила я, указывая рукой на реку.

Звездочка с сомнением покосилась на темную воду, мотнула головой.

— Порежу, — предупредила я, доставая из ножен меч.

Кобыла по-новому оценила мой злой и невыспавшийся вид, а также серебристую сталь в руках. Опустила голову, совсем по-человечески вздохнула и зашагала к воде.

— Так-то лучше, — проворчала я, наблюдая, как светлый силуэт медленно погружается в воду, пересекает речку, и легкий туман струится по бокам, придавая Звездочке вид мифического Пегаса.

Кобыла вышла на тот берег, отряхнулась и неспешно потрусила домой, а я вернулась к решению сложной задачи: как уместить вещи из двух мешков в один. Не решила. Припасы пришлось оставить в отдельном мешке, а сам мешок закрепить спереди на груди. Неудобно и тяжело, зато с каждым привалом мешок будет становиться легче.

Внимательно осмотрела берег — не оставила ли чего на траве, и зашагала в сторону Черного ручья.

Глава 3 НЕЖДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

До привала надо было продержаться не меньше трех-четырех часов, и часы эти будут не самыми приятными в моей жизни.

Заросли, обрамляющие ручей, показались, когда окончательно рассвело. Солнце начало ощутимо пригревать, но я все еще куталась в два плаща, не в силах согреться.

Раздвинула густые ветви и шагнула прямо в воду. Ветви росших по берегам кустов образовывали второе небо, и солнечные лучи, проникая сквозь листву, золотыми копьями вонзались в ручей.

Вот теперь посмотрим, насколько у меня непромокаемые сапоги. На реке сняла, чтобы не черпнуть через верх, а сейчас

моим кожаным сапожкам предстояли полноценные испытания. Надеюсь, продавец не врал, и я не зря заплатила за них втридорога.

Камни скользили под ногами, лежащие поперек бревна изрядно замедляли путь, а ноги я перестала чувствовать уже через полчаса. Сапоги не пропускали воду, но от холода защитить не могли.

Еще через час меня стали одолевать настойчивые мысли об абсурдности моего маневра. Тащиться по ледяной воде, ловить равновесие на скользких камнях, с закрывающимися после бессонной ночи глазами — та еще «умность». И, собственно, ради чего? Чтобы мифические собаки, отправленные в погоню за мной, потеряли след? Или суровые дяди-следопыты ломали глаза, пытаясь найти отпечатки моих ног? Смешно.

Конечно, я упала. Рухнула в воду, приложившись о камень со всего размаху коленом и одной рукой по локоть нырнув в ручей. Когда успокоилась рябь, полюбовалась на свою серую и усталую физиономию. Пожалуй, во мне уже никто не заподозрит княжну.

Встала, подвязала мокрые полы плаща и зашагала дальше. Пока есть силы — иду по воде, затем начну искать укромное место для привала. Я отошла еще не слишком далеко от жилых мест, чтобы расслабляться.

Был еще один вариант поиска беглецов — магический. Но дело это недешевое, да и не каждый маг может выстроить сетку поиска, наложить на карту и хотя бы приблизительно определить местонахождение человека. Лучший результат давал поиск по крови, по волосам или ногтям, но попробуй их достать. Когда жива была бабушка, она всегда следила, чтобы все тщательно сжигалось, и даже моим проверяльщикам не позволялось ничего уносить с собой из моих вещей. После смерти бабушки этим занялась мама. До войны мы даже держали отдельную служанку, которая убирала личный мусор и сжигала его.

А поиск без привязки — дело малоперспективное, даже по сравнению с ищейками и следопытами.

Я всегда любила солнце. И сейчас с каждым часом становилось теплее, а на душе легче. И бессонная ночь не так сильно давила на плечи, и в ногах появилась сила при мысли о скором привале.

Лес радовал тишиной. Никакого намека на погоню. И собственное одиночество впервые ни капли не тяготило.

Огромное старое, потемневшее от времени чудовище нависало над ручьем. На его искореженных ветвях давно уже не

рождалось листвы, а вывороченные корни торчали над землей, напоминая лапы паука. Я подтянулась, забросила ногу на ствол, покряхтывая и соскальзывая, взобралась наверх, а потом, не вставая, поползла к берегу. И вот наконец под ногами не холодная вода, а мягкий пружинистый мох.

Еще около часа я шла среди высоких и стройных сосен, наслаждаясь теплой погодой, легким ветерком и горьковатым благоуханием нагретой на солнце хвои, к которому примешивался грибной осенний аромат.

Уснула сразу же, стоило голове коснуться мешка, хватило сил только стащить сапоги и укутаться в плащ.

Во сне я была дома, в комнате деда. Знакомо поскрипывало кресло-качалка, в воздухе стоял терпкий запах табака. Дед так и не смог избавиться от вредной привычки, невзирая на все приложенные к этому усилия бабушки.

Я шагнула в полумрак комнаты, с трудом различая силуэт деда, сидящего, как и при жизни, у окна. В воздухе плавал ярко-красный огонек трубки. Огонек танцевал, то разгораясь и превращаясь в яркую звездочку, то погаснув, и тогда комната почти полностью погружалась в темноту.

— Дед? — спросила недоверчиво, а в душе стал просыпаться страх.

Качалка скрипнула и замерла.

— Стар стал. Кости ломит. Видать, к грозе, — пожаловался вдруг дед.

— К грозе?

— Грозы, они разные бывают. Не слышишь, внученька?

Я прислушалась. Действительно, где-то гремело, грохотало железо, раздавались вопли, ржание, слышались удары.

— Это не гроза, — прошептала я и... проснулась.

Звуки схватки неслись с севера. Опять север. Но до границы еще далеко, так кого же принесла нелегкая?

Я сбросила плащ, вместе с мешками затолкала в низину и прикрыла мхом. Рядом заметила изогнутую сосну, а для гарантии, не надеясь на память, воткнула палку.

Проверила, легко ли выходит из ножен меч, за пояс заткнула револьвер, предварительно зарядив, и поспешила на звуки. Ввязываться я не собиралась, по-хорошему стоило обойти стычку широким кругом, но тогда неведомый отряд, дерущийся с кем-то, останется у меня в тылу. Я шла на разведку, чтобы понимать, кого ожидать с юга, когда стану на ночлег.

Сон меня встревожил, но не сильно. Дед мне не снился ни разу с момента своей смерти, хоть я скучала и, честно говоря,

надеялась на что-то подобное. Говорят, мертвые приходят по-прощаться, но дед не пришел. И вот теперь этот странный сон. Словно плохое предзнаменование. Может, не идти?

Не доходя до поляны, пригнулась и, крадучись, пошла от дерева к дереву, держа обнаженный меч в руке. Пустая предосторожность. Народ был так увлечен убиванием друг друга, что можно было и не таиться.

Поляна оказалась большой. Вытянутым овалом она лежала в окружении частокола сосен. В центре возвышался покатым холм, заросший серебристым мхом, на котором яркими пятнами, как узор на ковре, горела свежая кровь.

Обзор снизу был плоховат, но мне удалось вычленить главное. Отряд королевских гвардейцев в темно-синих мундирах с зелеными вставками на рукавах активно теснил троих мужчин, которые заняли стратегически выгодную вершину холма. Судя по тому, что они успели уложить пятерых, потеряв при этом одного, передо мной были непростые бойцы. Учеба у мастера стоила недешево, а потому хорошей школой могли похвастаться либо знать, либо наемники. Последним занятия оплачивал особый фонд, чтобы затем получать процент с прибыли наемников.

Я понятия не имела, за что именно троицу прижали гвардейцы, но одно знала точно — с каждой минутой боя их шанс на победу становился все призрачнее. Мужчины явно устали, под распахнутыми куртками видны были мокрые от пота рубашки, а гвардейцев все еще было на два больше, чем их. Пятеро против троих. Скверный расклад.

Или не троих. Один остутился, покачнулся и рухнул на колени. Второй тут же его прикрыл, но я успела заметить светловолосую голову ребенка, которого они прятали за спинами.

Так вот почему не стреляли гвардейцы! Их задача была взять ребенка живым.

Волна злости нахлынула, сметая здравые мысли о невмешательстве.

Убрала меч, достала револьвер и поймала на мушку спину одного из гвардейцев. Револьвер не подвел, да и промахнуться на таком расстоянии было почти невозможно. Когда отзвучало эхо выстрела, солдат взмахнул руками и стал медленно оседать вниз.

Качнула стволом, выбирая следующую цель. Выстрел, и еще один отправляется за грань.

Я скорее инстинктивно почувствовала, чем уловила движение справа. Гвардеец. Вышитые эполеты на плечах. Его не было

на холме среди атакующих. Ожидал благоприятного момента или подстраховывал спины подчиненных?

От меча я уклонилась, но целью гвардейца был не удар по мне. Одним ловким движением он выбил револьвер, и тот улетел куда-то вбок. На холеной физиономии военного расцвела самодовольная улыбка. Такие типы, как правило, нравятся женщинам. Щегольская ниточка черных усов, идеальный мундир, ушитый по плечистой фигуре, зеленые плутоватые глаза.

Гвардеец помедлил, наслаждаясь моей беспомощностью. И этих мгновений хватило, чтобы собраться, прыгнуть в сторону, выхватить меч из ножен и принять стойку.

В зеленых глазах промелькнуло удивление. Гвардеец даже изобразил шуточный поклон к началу боя. Не принимает все-ррез? Мне же проще.

Он оказался хорош. По-военному хорош. Без тайных приемов, скрытых техник. Отличный рубака. Сильный, быстрый.

И мне приходилось двигаться быстрее, чтобы успеть уйти в сторону от сверкающей смерти, принять лезвие на скользящий блок, отклонить от груди. Я держалась в глухой обороне, проклиная про себя и мох, пружинящий под ногами вместо надежной твердости пола, и собственную глупость, которая позволила ввязаться в драку. Рубашка взмокла, руки немели от нагрузок, а тело двигалось в заученном ритме.

Моя единственная возможность недолго выстоять против мужчины — это скорость.

Вот я и прыгала вокруг него сумасшедшей белкой. Ключевое слово — недолго. Скоро я спекусь, он подловит меня на неверном движении, и одной княжной на земле станет меньше.

Сбоку слышались азартные крики. Троица ожидаемо перешла в атаку, приканчивая оставшихся в живых гвардейцев. Только, чувствую, мне не продержаться до их подхода.

Я открылась. Грубо, намеренно. Профессионал бы не купился, но военных не учат такой тактике. Да и не нужна она в бою, когда вокруг столько мяса, что не до изысканной битвы.

Гвардеец рванулся вперед, стремясь быстрее прикончить надоедливую юнца. Я изогнулась, пропуская лезвие над собой. Шапка слетела вниз. Время замерло. Я увидела расширяющиеся от удивления зеленые глаза, затем в них появилось осознание боли, а мой меч уже торчал в его груди. Ему хватило сил отшатнуться, опуская лезвие прямо на меня. Я упала, уже в полете осознав, что ухожу недостаточно быстро, и боль обожгла бедро.

Мох пружинит, и падать мягко. Я понимала, что надо встать, добить, что противник, может, только ранен и не собирается подышать, хоть и выглядит паршиво с побелевшим лицом и торчащим из груди мечом. Но меня будто разбил паралич. Рука только сейчас осознала, что есть большая разница воткнуть меч в манекен, наполненный деревянной стружкой, или в живого человека, плоть которого под ударом сопротивляется совсем по-другому, чем сухая стружка.

Я с ужасом увидела, как он качается, пытаюсь удержаться на ногах, а в зеленых глазах уже появляется предсмертная пелена. У меня внутри все сжалось от спазма. Я убила. Только что своими руками зарезала живого человека. Как свинью, как кролика. Раз, и...

Гвардеец медленно повернул голову, нашел меня взглядом, и что-то страшное мелькнуло в его глазах. Он сплюнул кровь и произнес так тихо, что я скорее угадала по губам, чем услышала:
— Ведьма!

Зря он так... прямо. Куда-то исчезли мысли о совершенном убийстве. Я встала и без содрогания вытащила свой ведьминский меч из его поганой груди. Гвардеец дернулся от боли, в его глазах мелькнула ненависть, а затем он мешком осел на мох и затих уже навсегда.

И сразу стало тихо. Нет, вокруг было полно звуков, я слышала горячий шепот ребенка, успокаивающие ответы взрослого, тяжелое предсмертное дыхание раненого, и чавкающий звук лезвия, обрывающий эти хрипы. Но звуков боя больше не было. Лес постепенно оживал, и на сосне робко пробовала первые ноты пичужка.

Я бросила взгляд в сторону холма.

Мужчина стоял в положенных по протоколу трех метрах, словно мы не на залитом кровью холме, а на светском балу. Два незнакомых человека, не представленных друг другу.

— Вы прекрасно сражаетесь... госпожа. — Он колебался лишь мгновение, но не ошибся.

Его лицо не показалось мне знакомым. Седые виски, тяжелый взгляд. Младший аристократ, служащий мечом более знатному родственнику? Бастард?

Какая разница. Мы посреди леса, только что уничтожили отряд гвардейцев, что само по себе тянет на приличный срок или сразу на смертную казнь. Я в бегах, они тоже.

Поискала взглядом трилби.

— Ваша? — Он протянул мне зеленую шляпу.

Поблагодарила кивком.

По ноге потекло что-то теплое. Кровь. Надо перевязать, но чем? Положила ладонь на рану, ощупала. Уф... неглубоко. Рассечена кожа, мягкие ткани, но ничего серьезного не задето. Отняла ладонь — вся в крови.

— Вы ранены?

Как будто это не заметно.

— Возьмите. — Мужчина протянул шейный платок — белый и довольно чистый. — Я надел его сегодня утром, — подтвердил он мои надежды на чистоту ткани. Подошел, подавая платок.

Я взяла. Затянула потуже, перекрывая кровоток. Нога пока не болела, но, как только шок пройдет, меня ждет масса «приятных» ощущений.

— Дядя Пьетро! — С холма бегом спускался мальчишка. Льняные кудри развевались на бегу, на детском личике, слишком серьезном для малыша, выражение тревоги.

Он, естественно, обернулся, а я... Быстро подобрала револьвер, сунула за пояс и, прихрамывая, зашагала прочь.

— Госпожа! — Оклик застиг меня метрах в пяти от поляны.

Я оглянулась.

Он поклонился, и мне опять представился прием, зал, наполненный свечами, драгоценностями, бальными платьями и костюмами.

— Я ваш должник.

Его взгляд сказал многое. Я могу остаться, если захочу. Они не будут против моей компании и даже рады лишнему мечу, но настаивать не станут.

Я повернулась и, уже не оглядываясь, зашагала в лес.

По широкому кругу обошла поляну и вышла к спрятанным мешкам. Нога начала ныть, неприятно, но терпимо. Больше беспокоили накатывающая временами слабость и шум в ушах.

Дошла до тайника и с облегчением свалилась на мягкий мох, полежала, приходя в себя. Как же все не вовремя и некстати... Затем полезла в мешок в поисках аптечки. Еще в дороге я проверила, что мне собрала мама. Точно помню, там была восковая повязка для ран. Ага, есть.

Засыпала рану обеззараживающим порошком, сверху наложила восковую повязку, постаравшись крепко зажать края раны, замотала бинтом. Рана на ноге — неприятно, но не смертельно, даже перевязать самой можно, а ведь могло быть гораздо хуже.

Вспомнила бой, содрогнулась, и по спине пополз холодок запоздалого страха. Накатило одиночество. Если бы сейчас рядом были отец и брат... Они бы точно знали, что делать. Они бы

прикрыли спину полоумной княжне, бросившейся спасать незнакомцев в лесу.

Но я одна. Решения и ошибки теперь только мои. Хотя... даже знай я наперед, что меня ранят, не смогла бы пройти мимо и не помочь. Глупо, но поступить по-другому — словно отравить часть себя, лучшую часть.

Вставать с уютного мха не было никакого желания, но вечер только намекал на свое присутствие, да и простая осторожность требовала убраться как можно дальше от поляны.

И снова лес, все больше напоминающий складчатую шкуру неведомого животного. Холмы, холмы... Иногда попадались болотистые участки, заросшие березами, осинами и лохматыми елками, которые я старательно обходила стороной. Березки уже начали менять зеленый наряд на золотой, но в целом осень радовала теплой и безветренной погодой и лишь готовилась проявить свой скверный дождливый характер.

Несколько раз возвращалась к ручью, чтобы проверить направление и не заплутать. Срубила себе толстую палку и шла, опираясь на нее, — берегла ногу. По дороге доела остатки пирогов, допила молоко, а бутылку утопила под корягой в ручье. Глаз цеплялся за шляпки грибов, рука сама тянулась их собрать, но я себя одергивала. Таскать еще и грибы?! Если совсем закончится еда, можно будет сварить грибную похлебку, но пока мне даже за ягодами лень нагибаться.

Меч оттерла на обратном пути от поляны, а револьвер оставила заткнутым за пояс. Я только передвинула его на бок, но убирать в шкатулку не стала. Паранойя? Быть может. Но сталь под рукой и оружие на поясе добавляли мне уверенности, которой значительно поубавилось после поединка с гвардейцем. И лес не казался больше таким уж солнечным и приветливым, а глядя на мох, я вспоминала, как ярко алела кровь на серебряных листьях.

На ночлег устроилась в уютной низине, со всех сторон защищенной холмами. Не слишком надежное место, но другого не нашла. Зато рядом небольшое болотце, где можно было нарвать лапника на лежанку. Водой я запаслась заранее, из ручья. Погрызла яблоко и легла спать.

Как ни странно, даже заснула. И кошмары меня не мучили. Собственное хладнокровие удивляло, и, поразмыслив, я решила, что причина моего спокойствия в нынешнем одиночестве. Закатывая истерику, мы надеемся на сочувствие, на человеческое сопереживание, а откуда взяться сопереживанию в лесу? Я просто запретила себе думать о том, что произошло. Да, уби-

ла, да, было страшно, но это была вынужденная мера самозащиты, и ничего больше. А жалеть себя буду потом... когда окажусь в безопасности.

Проснулась посреди ночи от дикого холода. Огромные звезды горели на темном небе, вокруг серебрились стволы сосен, под холодным лунным светом лежали сиреневые тени. Стояла оглушительная, замороженная тишина. Слышны были лишь стук собственного сердца да звук дыхания, паром вырывающегося изо рта. До проклятого было холодно. Так холодно, что тело коченело, и я переставала чувствовать руки и ноги.

В бездну скрытность, если я сейчас просто помру от холода.

Встала и, трясаясь мелкой дрожью, поднялась на холм. Где-то здесь лежала упавшая сосна, не выдержавшая сражения с зимними ветрами. Нарубила веток, торопливо развела костер.

Огонь накрыл приятным теплом, и меня снова потянуло в сон. Проснулась от того, что чуть не упала прямо в костер. Пришлось отодвигаться на лапник, укрываться плащом и дремать.

С первыми лучами я встала. После холодной ночи ныла нога, и я решила, что имею право себя побаловать. Скрытность все равно нарушена, так почему бы этим не воспользоваться.

Раздула угли, вылила из фляги воду в котелок и сварила пшеничную кашу, добавив туда яблок. Отдельно в кружке вскипятила чай. Завтрак вышел ну просто княжеский.

Когда окончательно рассвело, отправилась дальше, замаскировав, насколько возможно, стоянку.

Первым делом решила вернуться к ручью. Направление я помнила, но, оказалось, не совсем верно. Это был непростой час в моей жизни, пока не показалась полоса густого зеленого мха, растущего по берегам ручья.

Окончательно наплевав на маскировку, решила больше не удаляться в сторону. Вдоль ручья шла приятная тропинка, идти было легко, но вскоре утоптанность почвы под ногами начала настораживать. Нехорошо. Кругом холмы, я иду вниз по тропинке — здесь явно часто ходят. Ручей местами причудливо изгибался, и Трехликий знает, кто там из-за поворота ко мне навстречу вывернет.

В итоге решила подняться на холм и идти поверху. Здесь тоже была тропинка, но менее утоптанная, что меня вполне устраивало.

Первой на приближение незнакомцев отреагировала сойка. Зло крикнула что-то метрах в ста от меня. Дважды повторять не пришлось. Я упала тут же, одним движением стащила мешки,

справа выложила револьвер, слева меч. И голову пониже, и сильнее вжаться в мох, а глаз с тропинки не спускать.

Они показались минут через семь. Серо-голубые плащи, каски, тихий шаг мягких кожаных сапог. Пятеро. Идут к нам. Северные, больше некому. Зачем? А проклятый их знает. Разведка, диверсия... Мне все равно. Лишь бы прошли быстрее, да наверх особо не поглядывали.

Не знаю, что заставило меня бросить взгляд на ту сторону ручья. Везение Таль-Сорецки? Скорее всего.

Существо лежало четко напротив. Огромная черная туша с полуметровыми шерстинками игл на загривке. Приплюснутая морда, полная острых зубов, растопыренные лапы, впившиеся когтями в мох, кожаные крылья, повисшие складками по бокам, и я знала, что где-то там, позади, подергивался в предвкушении охоты тяжелый хвост с рядами ядовитых шипов.

В памяти тут же всплыла выдержка из справочника: «Шатар. Красная двадцатка. Уничтожение на месте. Первоочередно».

Во рту пересохло, и мысли почему-то были только об одном — странное какое-то у меня везение. Ну разве нельзя было организовать встречу с зайчиком или волком, на крайний случай. Хотя какой зайчик? Там, где обитает шатар, не выживает никто: ни зайчик, ни волк, а уж про княжон вообще молчу.

Шатар смотрел на меня, я на него, а северяне подходили все ближе. Он был явно молод, нетерпелив, и оттого маскировка сбоила, как плохая иллюзия. Тварь то пропадала из виду, сливаясь со мхом, то, как из пустоты, темной кляксой возникала на вершине холма.

Я отложила в сторону револьвер, под правую руку взяла меч. Тварь сузила черные глаза и медленно, беззвучно обнажила зубастую пасть. Знает, сволочь, что это такое.

Как ни странно, но стрелковое оружие приживалось в нашей стране крайне медленно и без энтузиазма со стороны населения. Последняя серьезная война закончилась почти сто лет тому назад, а пара приграничных конфликтов да помощь соседям не смогли пробудить у нашего министерства интерес к перевооружению армии. Ситуация кардинально изменилась лет пятнадцать назад, с приходом к власти Эдгарда Третьего. Стали спешно закупать ружья и пушки, выдавали деньги промышленникам на строительство собственных предприятий. Под это дело в обязательном порядке вооружили все отделения — тайные и явные, имеющие отношение к охране порядка в стране. Стрелковые школы открывались по всей Шарналии.

Народ вооружался, но от мечей отказываться не спешил. Дело в том, что магически созданным тварям пули были не страшнее щекотки. И, чтобы перебить силовые линии, на которых держалась жизнь существа, требовалась хорошая, с добавлением серебра сталь — и обязательно заговоренная от нечисти.

Серебряные пули работали лучше, всякую мелочь разносили вдребезги, но стоили дорого, да и всякий раз выбрасывать несколько граммов серебра мог позволить себе не каждый.

А от встречи с шестилапой, с пятью рядами зубов и двумя хвостами тварью не застрахован был никто. Да, подобные создания находились под запретом, и мага, уличенного в нарушении закона, могли лишиться лицензии или упечь в камеру, но ежегодно патрули вылавливали с десятков новых тварей, а морги пополнялись свежими трупами.

Говорили, что каждый маг рано или поздно не выдерживал искушения попробовать себя в роли демиурга и сотворял что-нибудь эдакое, как правило, зубастое и ядовитое. Все-таки жажда разрушения у нас в крови.

Иногда силы экспериментатора, как и его здравый смысл, давали сбой, и тогда тварь вначале закусывала своим создателем, а затем отправлялась на поиск новых жертв.

Работы у маг-патруля всегда хватало, да и простые граждане привыкли быть начеку. Впрочем, и обычной нечисти в Шарналии преобладало с избытком. Недобрая смерть, лютая ненависть, злоба, частые ссоры — негативные эмоции притягивали многих тонких существ, давая им силу, питая и перерождая в осязаемую плоть, которая сама уже могла нападать на людей.

Кроме патруля за уничтожение нечисти охотно брались монахи ордена Святого воителя Динатроса и кое-кто из наемников, которые по силе дара не прошли испытания на магическую степень, зато вполне годились для несложных дел. Расценки патруля были высоки, но в случае чего их можно было привлечь к ответу за некачественную работу. Монахи работали за вознаграждение, а зачастую бесплатно, но вполне могли отказаться от работы, посчитав, например, визит нечисти возмездием или наказанием. А вот наемники брались за любое дело, и оплату можно было сторговать поскромнее, и языками они не болтали, но все это в том случае, если объявившаяся тварь не входила в Красную двадцатку. С тварями из двадцатки наемники практически не связывались — себе дороже.

Сложно поверить, что двадцатку создал один человек. Его настоящее имя давно уже стерлось из истории, а вот прозвище

Красный, данное за пристрастие к одежде красных оттенков, осталось.

Маги хранили свои секреты надежнее государственных, а потому личность Красного была овеяна многочисленными домыслами и легендами. Доподлинно известно, что он по какой-то причине невзлюбил людей, удалился в глушь и занялся созданием магических друзей. Его попытались вернуть в общество и рамки закона. Красный ответил созданием защитников. И пошло-поехало. Сколько магов полегло при уничтожении Красного, скрывалось до сих пор. Говорили, что в итоге, когда стало совсем жарко, Красный пожертвовал собой ради своих созданий. Просто позволил себя убить, отправив зверюшек прочь.

Маги вздохнули свободнее и занялись рутинным делом — выписав двадцать ордеров на уничтожение разбежавшихся монстров. Но оказалось, что Красный ушел из жизни не просто так, а оставив бо-о-ольшую такую подлянку. Не зря же до сих пор при упоминании его имени у магов начинается нервный приступ.

Искусственное создание не может создавать себе подобных. Это закон. Оно уникально и существует либо за счет потраченной на него энергии, а затем само развеивается, либо учится эту энергию добывать извне, и тогда его жизнь оборвет сталь или заклинание.

Через некоторое время динатросы сообщили о паре уничтоженных ими тварей, в которой одно из существ было самкой, а второе самцом. Однако в министерстве отмахнулись, трусливо решив, что произошла ошибка.

Но когда через полгода патруль наткнулся на гнездо тафселей и срочно запросил поддержку, министерство магии погрузилось в панику, слышались даже призывы ввести в стране военное положение, а королевский двор эвакуировать. Постепенно страсти улеглись, и здравый смысл возобладал. Военное положение вводить не стали. Дело тихо замяли, когда поняли, что твари не обладают плодовитостью крыс и не собираются в ближайшее время наводнить страну.

Магам пришлось смириться с потерей неопределимого по значению открытия — все свои записи по созданию самовоспроизводящихся тварей Красный уничтожил лично. Ну а охотникам за чудовищами пришлось изучать двадцатку, как молитву на ночь.

Как можно любить шатара, я себе слабо представляла, зато в качестве кого меня полюбит монстр — можно было и не гадать,

в качестве десерта, не иначе. Пятерку северян — основное блюдо — шатар приметил давно и выбирал удобное место для засады, которое по случайности оказалось рядом со мной.

Так и есть, посверлив меня плотоядным взглядом и сладко облизнувшись широким ярко-фиолетовым языком — меня аж затошнило от омерзения, — тварь переключила внимание на основное блюдо, приближающееся к месту предполагаемого обеда. Я же от нее никуда не денусь. Она пожрет хорошенько, а затем догонит и прикончит десерт. В лучшем случае я успею пару раз мечом взмахнуть, прежде чем меня освежат.

Что делать? Острое чувство беспомощности ударило по нервам, заставляя до крови прикусить губу. Страшно не было. Было до проклятого обидно погибнуть вот так нелепо, когда до цели оставалось всего ничего. И стоило бежать из дома, чтобы встретить смерть в глухом лесу? Здесь даже останки мои похоронить будет некому! Ну почему я на самом деле не ведьма?!

Северяне уже пересекли воображаемую черту и находились как раз между мной и шатаром. Первыми шли трое. Винтовки за спинами, каски, плащи... Обычные вояки. А вот двое замыкающих группу от них отличались. Оружия за плечами видно не было, на головы надвинуты глубокие капюшоны.

Маги? Скорее всего. Дед рассказывал, что так ходят, когда используют магическое зрение, дабы не отвлекаться по сторонам. Значит, меня уже засекли, а вот шатара нет. Тварь отлично экранируется, как и все создания Красного.

Шатар — умный и атаковать будет сзади, чтобы первыми выбить магов. Трое оставшихся не станут проблемой, если только кто-нибудь из них не мастер меча.

Тварь предвкушающе облизнулась, распрямила кожистые крылья и приготовилась к прыжку. Время застыло. Я видела, как маги замедлили шаг, как покрутил головой один из них. Северяне явно что-то почувствовали, но у них не было уверенности, кто собирается их атаковать. И сейчас эта неуверенность была лишь на пользу шатару. Они точно не ждали нападения с той стороны. Ситуация складывалась скверно. Очень скверно.

Фляжка удобно легла в руку, я откатилась к ближайшей сосне и, пристав на колено, сильно замахнулась для броска. Фляжка, полная воды, полетела на удивление ровно и туда, куда нужно. Она смачно впечаталась прямо в черную морду шатара. На мгновение тварь окаменела от удивления и моей наглости, а затем с оглушительным визгом сорвалась в атаку. Но этого мгновения, когда шатар потерял над собой контроль и стал видимым, северянам хватило, чтобы встретить его достойно.

Я скатилась вниз. За спиной слышались звуки борьбы. От высокого, замораживающего визга хотелось закрыть уши и бежать, бежать, но вопли людей, звуки ударов и треск щитов удерживали меня на месте. Еще есть надежда, есть.

Наконец звуки затихли, и я тихонько поползла вверх — без мешков и оружия я в лесу не жилец. Да и вообще не жилец, если на дороге меня встретит обедающий монстр.

Шатар расцеленной кляксой лежал на зеленом мху. Его морда с остекленевшими глазами бессмысленно смотрела в небо, одно крыло отсечено напрочь, второе распласталось на земле. Изогнутые лапы врылись когтями в мох, в последнем усилии достать и порвать врага, а хвост валялся в паре метров выше по холму.

Глава 4 **ЗНАКОМСТВА НЕ ВСЕГДА** **БЫВАЮТ ПРИЯТНЫМИ**

Впечатляющее зрелище. Мне удалось попасть в число счастливиц, которые не просто встретили шатара, а еще и остались при этом в живых.

Двое мужчин стояли около монстра, что-то тихо обсуждая, а третий, сидя на корточках, сосредоточенно ковырял ножом в пасти шатара.

Стоп. Трое, а где остальные два? Уже понимая, что сейчас увижу, я медленно повернулась.

Они даже винтовки не сняли, просто стояли рядом и наблюдали, как я рассматриваю место сражения, до проклятого спокойные и самоуверенные. А ведь я не услышала, как они подошли.

Ближе ко мне, опершись о ствол сосны, стоял парень на пару лет старше меня, не больше. Тоненькие рыжие усы над губой, светло-зеленые глаза. Симпатичное, чистое лицо, вот только взгляд острый как бритва, от него у меня сразу мурашки по коже забегали. Да и какая разница, сколько ему лет, когда в глазах холодная рассудительность убийцы.

Второй постарше. Круглое лицо в оспинах, тяжелый взгляд черных глаз, полоска шрама перебивает бровь.

— Сам встанешь или помочь?

Я молча потянулась за палкой. Северяне напряглись, затем заметили повязку на ноге и снова расслабились. Встала. Так же

молча отстегнула кинжал, бросила на мох. Распахнула плащ, показывая, что ничего больше нет.

Старший не поверил. Прошелся хлопающими движениями по ногам и поясу, проверил сапоги. Удовлетворенно кивнул второму, затем подобрал и кинул ему кинжал. Тот поймал на лету, вытащил лезвие, удивленно присвистнул.

— Время, — одернул старший, и мне на плечо легла тяжелая ладонь.

Мы неспешно двинулись к тропе, пока рыжий собирал мои вещи. Я не дергалась, понимая, что бесполезно. Меня скрутят быстрее, чем я подумаю о бегстве, да и многое сейчас зависит от моего хладнокровия.

— А вот и наш спаситель! — Молодой успел нас догнать и даже опередить наше появление своим шутовским возгласом, когда меня вытолкнули на тропу.

Один из магов повернулся и шагнул к нам, второй лишь бросил искоса взгляд, не переставая ковыряться в пасти шатара. Что он там ищет? Золото? Третий мужчина без интереса мазнул по мне взглядом, его сейчас больше волновала собственная рука. Сквозь широкую прореху плаща была видна страшная рваная рана.

Маг подошел, и, кажется, я даже не вздрогнула и не закрыла глаза, когда лезвие меча сверкнуло у моего лица. Северянин поддел кончиком лезвия трилби и сбросил ее на землю.

— Спасительница, — поправил он.

Рыжий удивленно вздернул брови и ругнулся вполголоса, а мне осталось лишь проклинать про себя не в меру внимательного мага.

Рыжий тем временем скинул мои мешки, сверху бросил меч, кинжал, аккуратно пристроил револьвер.

— А она, случайно, не родственница тебе, командир? — уточнил он вдруг, беря кинжал в руки. Пусть даже не мечтает, все равно его не получит. — Смотри, как похожа.

Я напряглась. Последнее время любые намеки на мою внешность грозили неприятностями.

— Нет, Циркач, ты ошибся. — Маг скинул капюшон, и на меня с холодной ненавистью глянули голубые глаза. — Она не наша родственница, а что похожа, — к ненависти добавилось презрение, — так на то есть причины, не так ли, госпожа шпионка?

Я молчала и глупо хлопала ресницами, не в силах справиться с удивлением. Ледяной? Без сомнения, это он. Светлое серебро волос и до потусторонности яркие голубые глаза. Ледя-

ной! Прямо передо мной! В груди потеплело от радости и облегчения. Я ведь рассчитывала добраться до них нескоро. Вот так удача!

— В ней действительно нет дара? — Второй маг подошел к нам, что-то заворачивая в ткань. На мгновение в складках мелькнула отливающая желтизной поверхность зуба. Как я могла забыть, что у шатара два ядовитых зуба, а яд в них крайне редкий и ценный.

— Нет, я проверил дважды. Она не может быть ледяной.

И настроение окружающих меня людей мгновенно изменилось. Исчезли даже крохи дружелюбия, которые проглядывали сквозь настороженный взгляд рыжего, а до меня наконец дошел смысл вопроса. Он назвал меня шпионкой...

А собственно, кто я в их глазах? Непонятная девица с обрванными волосами, без дара, но с внешностью ледяных. Направляющаяся в сторону фронта, да еще и с оружием. Наверяд ли они в курсе про охоту на ведьм. А если и в курсе, то кто поверит, что я не использую легенду о ведьмах как прикрытие? И что мы не коллеги, находящиеся по разные стороны линии фронта?

— Как твое имя? Откуда ты родом? Что ты делала здесь, в лесу? И куда идешь?

Вопросы, вопросы. Они окружали, давили, и паника поднималась снизу, не давая сосредоточиться. Казалось, любое мое слово будет выглядеть ложью, а ложь, выглядящую как правда, я придумать не успевала.

— Нечего сказать?

Насмешка в ледяных глазах становилась невыносимой.

— Может, она немая? — Второй маг скинул капюшон.

Сердце зашло от восторга. Тоже ледяной, и, судя по внешности, младший брат первого.

— Меня зовут Лэриш. — Голос был хриплый и будто чужой. Тяжело обуздать эмоции, когда перед тобой мечта детства. Не так я представляла себе нашу встречу, совсем не так. В глазах ожидаемо зашипало, и я опустила взгляд на тропу, скрывая слезы.

Умом я осознавала причины и следствия, но сердцем понимать не хотела. И оттого в груди болело и жгло. Сердце упрямо не верило, что ледяным, как и проверяльщикам, важен дар, а не я сама.

Пора взрослеть, княжна. Видишь ли, мечта и реальность — разные вещи. И хорошо, когда мечта остается лишь мечтой. Когда она разбивается о реальность — гораздо больше.

— Лэриш? — вскинул брови маг.

Удивлен? Да, у меня два имени. Одно — северное, второе для таких, как ты, южное.

Мне стало легче дышать. И проще переносить ненависть в голубых глазах. А сердце... оно глупое, поболит и перестанет.

— Полное имя назвать не хочешь? — сделал попытку помочь мне младший. Он молод, чуть старше меня и не так быстр в осуждении других. Ему в самом деле хочется, чтобы я оказалась доброй и хорошей девочкой и прямо сейчас представила доказательства своей невиновности.

Прости, ледяной, но мои доказательства только для родни деда. Для остальных это лишь слова, а твой брат словам не верит.

Да и что мои доказательства против очевидного? Одинокая девушка пробирается в сторону фронта. Дара в наличии нет, значит, она лишь похожа на ледяных. Зачем тогда ей предпринимать столь опасный переход? С какой целью рисковать жизнью?

Я действительно ледяная лишь на четверть. Ирония заключается в том, что для Тайной канцелярии этой четверти достаточно, чтобы меня арестовать, а вот чтобы меня признали ледяные — нет.

И мелькнула тревожная мысль — а не было ли ошибкой пытаться пробраться к родственникам деда? Что, если меня встретят так же? Но ответить на этот вопрос я смогу еще не скоро, если вообще смогу. Случится худшее — уйду на вольные хлеба. Последние дни заставили многое пересмотреть в моих взглядах на жизнь. Я поняла, что вполне могу прожить без приемов, платьев и драгоценностей.

— Или у тебя нет родового имени?

Насмешка в голосе ледяного слишком явственна, чтобы ее можно было не заметить. Внутри всколыхнулась волна ненависти. Да как он смеет мне устраивать допрос? Мне, княжне Таль-Сорецки, указывать, что говорить?!

Я подняла голову, расправила плечи и твердо встретила его взгляд.

— Нет!

Не стану я пачкать родовое имя подозрениями в шпионаже. Пусть останется просто Лэриш, пока не найду способ доказать свою невиновность. Княжна уйдет в прошлое, все равно от титула сейчас никакого толку.

Ледяной кивнул, словно ожидал подобного ответа.

— Циркач, Сказочник, убрать шатара с тропы. Сойка, помоги Зеленому с рукой. — Он распорядился так, будто меня здесь уже не было. — И быстрее, мы и так выбиваемся из графика.

— А что с ней? — кивнул на меня младший.

Маг подарил мне долгий взгляд, и на этот раз насмешки в нем не было. Сердце замерло, а в голове успела промелькнуть страшная мысль: все, добегалась. Ну не абсурдно ли будет погибнуть от рук своих?

— Возьмем с собой. Полковник захочет с ней поговорить.

— А если я не захочу?

Ледяной тонко усмехнулся, и сразу стало ясно, что мне озвучат очередную гадость.

— Сейчас осень. У всех животных подрастают детеныши.

Он намекает, что по округе бродит жаждущая отомстить за гибель отпрыска мамаша? В таком случае между шатаром и северянами я выберу северян.

Они действительно торопились. Пока убирали останки шатара, Сойка залечил рану Зеленому. Потом присел около меня.

— Твое? — Протянул флягу. Надо же, а я с ней уже попрощалась.

— Спасибо. — Я взяла и не смогла не улыбнуться. Даже не верится, что они братья. Старший напоминает застывший кусок льда, а младший — словно прохладный ветерок в жаркий летний день.

— Давай посмотрю, что с ногой.

Морщась, сняла повязку. Лес, я сижу на мху, а незнакомый мужчина, которому я даже не представлена, видит кусок обнаженной кожи бедра. Да моя преподавательница этикета в обморок бы грохнулась от такого зрелища! И плевать, что на коже надрез, я в штанах, и мужчина — целитель. Проклятые приличия!

Нет, я точно неправильная княжна. Прикосновения прохладных пальцев приятны, и мне ни капельки не стыдно.

— Видишь, края багровесть начинают? — Он обвел пальцем рану. — Это заражение.

И почему я не удивлена? Сегодня не мой день. Дожить бы до вечера и не отправиться за грань.

— Я сейчас почищу рану, но закрывать не стану. Завтра проверим, а после заживим. Хорошо? А на командира не злись. Хоть ты нам и помогла, он не может доверять первому встречному.

Я понимала, но все равно злилась.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Начало пути	5
<i>Глава 2.</i> Зеленое Озеро	18
<i>Глава 3.</i> Нежданные встречи	28
<i>Глава 4.</i> Знакомства не всегда бывают приятными	41
<i>Глава 5.</i> Скелеты в чужих шкафах	51
<i>Глава 6.</i> Северные сказки, которые совсем не сказки	62
<i>Глава 7.</i> Лиса видела сон, где ты и кто-то с косой	74
<i>Глава 8.</i> Романтика шантажа	87
<i>Глава 9.</i> Льолды, некромант, или Ледяным не чужды душевные переживания	98
<i>Глава 10.</i> Одним меньше, одним больше	109
<i>Глава 11.</i> Выбор меньшего из зол	117
<i>Глава 12.</i> Южно-северное противостояние	127
<i>Глава 13.</i> Болотные страдания	140
<i>Глава 14.</i> Наши и не наши	149
<i>Глава 15.</i> Родственные обиды	161
<i>Глава 16.</i> Война и... ледяные	173
<i>Глава 17.</i> Героями не рождаются	182
<i>Глава 18.</i> Ледяные, они такие ледяные...	192
<i>Глава 19.</i> Новый дом, новые правила	205
<i>Глава 20.</i> Ледяные страсти	215
<i>Глава 21.</i> Первое свидание с горьким привкусом разочарования	225
<i>Глава 22.</i> Чужие традиции не то чтобы потемки, но странностей в них хватает	236
<i>Глава 23.</i> Родственная неродня	246
<i>Глава 24.</i> Право, некоторым тайнам лучше оставаться нераскрытыми	258
<i>Глава 25.</i> Опасная встреча и дикое знакомство	268
<i>Глава 26.</i> Бои с правилами, горькая сладость и примирение с прошлым	283
<i>Глава 27.</i> Счастье по-ледяному	298

<i>Глава 28.</i> Смерть и безумие ходят рядом	304
<i>Глава 29.</i> Свой путь мы выбираем сами и только потом иногда сожалеем о собственной глупости	319
<i>Глава 30.</i> Тяжело в ученье — легко в бою	330
<i>Глава 31.</i> Стражи и снова стражи	340
<i>Глава 32.</i> Смерть полезная и бесполезная	349
<i>Глава 33.</i> Семейный ужин в компании ледяных... не к добру	359
<i>Глава 34.</i> Начало конца	367
<i>Глава 35.</i> Героями не рождаются	379
<i>Глава 36.</i> Бои на подступах	389
<i>Глава 37.</i> Больше жизни, сильнее смерти	402
<i>Глава 38.</i> Бой у каждого свой	411
<i>Глава 39.</i> А что ты готов сделать ради победы?	421
<i>Эпилог</i>	432